

УДК 316.442 – 053.6

ББК 60.543.172

Р 82

Е.П. Рубцова

Главный специалист по социальным вопросам филиала АНОО ВПО «Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере» г.Белореченск, E-mail: helenabel64@mail.ru

Дифференциация стартовых возможностей учащейся молодежи как основание формирования жизненных стратегий

Аннотация: В статье рассматриваются факторы, оказывающие наиболее серьезное влияние на процесс выработки молодежью своих жизненных планов и жизненных стратегий. Предоставлены материалы собственного исследования, подтверждающие методологическую самостоятельность предложенного подхода к анализу процесса формирования жизненных стратегий учащейся молодежи.

Ключевые слова: Жизненные стратегии, жизненный план, жизненные цели, молодежь, учащиеся, студенчество, малый город.

E.P. Rubtsova

Principal Specialist in Social Problems of the Branch of the ANOO VPO "Institute of Economy and Management in Medicine and Social Sphere". Belorechensk, E-mail: helenabel64@mail.ru

Differentiation of starting potentialities of studying youth as the basis of formation of life strategies

Abstract: The paper examines the factors, making the most serious impact on process of development by youth of the life plans and life strategies. The author gives the materials of own research supporting methodological independence of the proposed approach to the analysis of formation of studying youth's life strategies.

Keywords: Life strategies, the life plan, the life purposes, youth, pupils, students, a town.

Проблематика, связанная с интеграцией молодежи в качестве самостоятельных субъектов жизнедеятельности в основные сферы российского общества, остается весьма актуальной не только в силу особого места молодежи, как того потенциала (социального, интеллектуального и культурного капитала), от которого во многом зависит динамика развития, но и потому, что и сегодня ключевые характеристики самого общества тесно связаны с пониманием длительности трансформационных процессов, характеризующих его нынешнее состояние. Все это детерминирует систему факторов, определяющих условия выбора молодежью своих жизненных целей и устремлений, способствующих формированию основной жизненной перспективы, выражаемой в жизненных стратегиях.

Напомним, что, несмотря на дискуссионность определения самого понятия «жизненные стратегии», в социологическом дискурсе достаточно полно оно представлено как «динамическая, саморегулирующаяся система социокультурных представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течение длительного времени. Она предполагает определение или принятие наиболее значимых ориентиров и приоритетов на долговременную перспективу» [1].

Какая же группа факторов оказывает наиболее серьезное влияние на процесс выработки молодежью своих жизненных планов и жизненной стратегии? В первую очередь следует учитывать то, что длящиеся трансформационные процессы, системно затрагивающие основания общества в целом, порождают состояние неопределенности,

существенно усиливающее степень ограниченности долгосрочного планирования молодежью своих личностных устремлений [2]. К этому следует добавить и такое системное свойство, как нелинейность социальных процессов, умножающая диапазон законов поведения социальной системы, что вызывает к жизни усиление гибкости социального поведения, смену жизненных стратегий вслед за сменой «правил игры», по которым функционирует нестабильная социальная система, в качестве одного из наиболее эффективных ответов человека на неопределенность [3].

С другой стороны, речь идет о тенденции усиления дифференциации в молодежной среде, поскольку, проявляясь в самом начале жизненного пути, как утверждают российские социологи, социальное расслоение определяет весь дальнейший их жизненный путь [4]. Как правило, залогом такой дифференциации в широком смысле этого понятия, определяющей различия жизненных стратегий, являются социальные условия в прямой зависимости от типа и размера населенного пункта (мегаполис, средний, малый город), а также региона проживания, так как именно степень развитости их производственной базы, социальной инфраструктуры, коммуникаций, особенности культуры определяют возможности выбора жизненной стратегии, способов самореализации молодых людей [5].

Между тем именно регион проживания, обеспечивая собственную конкурентноспособность, выступает в качестве наиболее заинтересованного социального заказчика на формирование если не жизненных стратегий, то жизненных планов, от содержательной направленности которых во многом зависит перспектива развития каждого конкретного региона (или места жительства). Именно это обстоятельство стало одним из основных в определении исследовательского поля и исследовательских задач.

Данное исследование осуществлялось в условиях малого провинциального (по характеру жизненного уклада) города России (г. Белореченск – 55 тыс. чел.) и прилегающих к нему 9-ти сельских округов (35 тыс. чел.), типичное для Кубани поселение. Около половины всего населения занято в трудовой сфере, преимущественно в агропромышленном комплексе и переработке сельхоз продукции, торговле и сфере обслуживания, а также на промышленных предприятиях. Что касается различий в образе жизни, то для такого рода территориальных объединений на Кубани характерно относительное выравнивание его основных параметров по территориальному признаку.

Молодежь составляет почти четвертую часть всего населения. Следует отметить также, что в Белореченском районе достаточно разветвленная и многоуровневая инфраструктура образовательных учреждений (39 общеобразовательных школ, три средне-специальных и три высших учебных заведения).

Если же говорить о широком спектре социально-экономических и социально-культурных условий, то речь идет не только о степени развитости рынка труда или сети образовательных учреждений, представляющих определенные условия жизненного выбора. Уже на начальном этапе этого выбора можно говорить о степени образовательного неравенства, поскольку качество образования, полученное в условиях общеобразовательной школы малого провинциального города с большим количеством сельских округов, как правило, сильно отличается от такового, полученного в школе среднего или крупного города с сформировавшейся и укоренившейся культурной средой городского типа. С этой точки зрения, как показывают результаты целого ряда социологических исследований, большая часть населения страны, по сути, лишена возможности получить в массовой школе полноценное и качественное среднее образование [6].

Еще одним важным фактором, во многом определяющим состоятельность формирования жизненной стратегии, выступает возраст в его социальном измерении как совокупность биологического, психологического и социального состояния человека, позволяющего в той или иной мере реализовать его возможности и способности к

сознательному планированию жизни. При этом на содержание и степень осознания цели жизнедеятельности влияет соответствие личностного и возрастного этапов развития субъекта.

Учитывая это обстоятельство, необходимо ориентироваться на то, что молодые люди одного и того же возраста могут с разной степенью рефлексивности определять свои целевые ориентации. Для одних еще не завершен «поиск себя», в то время как другие точно знают, что им надо и как этого достичь и, таким образом, более или менее определенно намечают значимые события своей будущей жизни. Следовательно, нередко цели, которые ставят перед собой молодые люди, бывают либо нереальными, либо фиктивными, то есть их соотносимость с реальностью трудно, а иногда и невозможно проверить или подтвердить [7].

В особой степени это касается дифференциации молодежи по характеру основной деятельности, степени оформленности социально-статусной позиции, диапазону возможных социальных ролей. С этой точки зрения в проведенном исследовании процесса формирования жизненных стратегий молодежи были выделены три типические группы: студенческая молодежь, учащиеся средних специальных учреждений и учащиеся общеобразовательной школы.

Собственно учащаяся молодежь (общеобразовательная школа) представляет собой социально-маргинальную группу, преимущественно характеризующуюся отсутствием легитимизированного группового сознания, дефицитом социально значимых традиций, которые она большей частью воспроизводит на основе семейно-родственных отношений, тем, что она еще не достигла той степени социальной зрелости, которая позволяет полноценно интегрироваться в основные сферы жизнедеятельности общества. Ей еще предстоит жизненный выбор, определяющий основную сферу профессиональной занятости, а отсутствие собственного жизненного опыта делает этот выбор преимущественно прожективным (оторванным от реалий) по своему характеру.

Более того, значительная часть учащихся рассматривает продолжение образования как возможность отложить вступление в социально-самостоятельную жизнь, что способствует консервации инфантильности учащейся молодежи, делающей ее достаточно уязвимой в условиях усиления социальной дифференциации. Само продолжение образования не связано с готовностью ею освоить новые жизненные формы социального самоопределения [8].

Что касается студенчества, то оно представляет собой мобильную социальную группу, целью существования которой является организованная по определенной программе подготовка к выполнению высоких профессиональных и социальных ролей в материальном и духовном производстве [9]. Оно отличается от других групп учащихся рядом особенностей: формами организации своей жизнедеятельности, «локализацией» образа жизни в стенах вуза, студенческой группе, общежитии, относительной самостоятельностью в выборе способов деятельности в учебное и неучебное время» [10]. Группообразующей целью студенчества является подготовка к эффективному выполнению профессиональных функций, участие в «обучающе-образовательной деятельности» [11]. То есть здесь пройден очень важный момент жизненного самоопределения – профессиональный выбор.

Кстати, на этом основании, в свое время под понятие «студенчество» были отнесены и учащиеся средних специальных учебных заведений [12]. Сегодня эта позиция нуждается в серьезном уточнении по ряду обстоятельств. Во-первых, в связи с переструктуризацией системы профессиональной школы: высшая переходит на двухступенчатую подготовку (бакалавр – магистр), а средняя ступень профессионального образования вынуждена переопределиться.

Во-вторых, сегодня ярко обозначилась тенденция формирования социально-статусной составляющей мотивации получения высшего образования, ее превалировании над профессиональным компонентом. Решение получить высшее образование в первую очередь связывается с будущим социальным положением [13].

Это является дополнительным фактором влияния на среднее звено профессиональной школы.

В-третьих, по данным социологических исследований, проведенных в разных регионах России, наблюдается растущее нежелание молодежи включаться в сферу материального производства. К примеру, на трудовую деятельность, относящуюся к производственной сфере (рабочие и технические профессии в промышленности, на транспорте и в связи, а также квалифицированные профессии в сельском хозяйстве - агроном, ветеринар) ориентированы только 10% опрошенных выпускников общеобразовательной школы [14].

Все это делает необходимым выделить эту часть учащейся молодежи в особую социальную группу, место которой, с точки зрения социальной структуры общества, еще нуждается в более полном теоретическом осмыслении.

Материалы проведенного исследования подтвердили методологическую состоятельность предложенного выше подхода к анализу процесса формирования жизненной стратегии учащейся молодежи. Если рассмотреть диапазон мотивационного отношения к образованию как некоторому социальному ориентиру, вокруг которого может выстраиваться жизненный план или жизненный проект, то определенный интерес представляет собой динамика изменения мотивов получения образования на каждом из его уровней. (См. табл. № 1).

Обратим внимание на то, что образование сохраняет в позициях молодежи значимую роль, так как является безальтернативным в силу того, что вступление в самостоятельную жизнь без получения образования, без осуществления своеобразной социальной номинации, в сознании молодежи выступает знаком «социального спуска» в системе социальной мобильности или стагнацией социального статуса [15]. Если даже убрать из мотивационной шкалы «обязанность», как некоторое нормативное давление общества, то необходимость образования сама по себе вместе с желанием его продолжить является побудительным мотивом для всех уровней образовательной структуры.

Здесь же необходимо отметить и вполне закономерную тенденцию прагматизации отношения к конкретному виду образования, поскольку меняется соотношение мотива от преобладания «желание продолжить образование в будущем» – 50,5 % у учащихся общеобразовательной школы, до «необходимость образования сама по себе» – 62,0 % среди студентов вузов. Следует отметить также некоторую разницу в мотивации отношения к образованию у городских и сельских школьников. Если для сельских школьников абсолютно преобладающим (более чем в два раза выше самого близкого в ранжированном ряду) мотивом выступает ориентация на продолжение образования (стереотип «учись, человеком будешь» оказался достаточно живуч), то для городских дистанция между двумя основными мотивами не превышает и 10,0 %.

Очевидно, что среднее образование рассматривается молодежью в контексте подготовки к продолжению образования и не имеет самостоятельного значения в социальном самоопределении молодежи. Поэтому жизненные стратегии определяются уровнем притязаний, которые формируются вне школы и соотносятся либо с наследованием статуса родителей, либо с приобретением новых социальных позиций на основе собственных карьерных устремлений. Следовательно, общеобразовательная школа как социальный институт в своей социализирующей деятельности достаточно нейтральна по отношению к формированию жизненных стратегий своих выпускников.

Как видим, свою специфическую нишу занимают учащиеся средних специальных учебных заведений, поскольку, несмотря на состоявшееся самоопределение в профессиональном отношении, у них еще высок потенциал образовательной потребности. Вопрос только заключается в ее направленности: на продолжение или профессиональную переориентацию, что существенно для определения состоятельности жизненных стратегий.

Одной из наиболее важных социальных меток жизненных стратегий, конечно же, выступают избираемые жизненные цели. Именно они образуют ценностные основания жизненных программ, реализуемых в конкретных действиях молодых людей. С этой точки зрения представляет интерес анализ ответов на прямую постановку этого вопроса. (См. табл. № 2).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос «Что для Вас означает получение образования?» (в % к опрошенным)

№	Варианты ответов	Выпускники школ	Учащиеся ССУЗов	Студенты ВУЗов
1	Обязанность	11,0	12,5	12,5
2	Желание родителей	-	2,5	1,3
3	Необходимость образования сама по себе	29,0	48,0	62,0
4	Желание продолжить образование в будущем	50,5	27,0	19,0
5	Желание быстрее начинать работать	1,5	1,0	0,6
6	Желание добиться успехов в жизни	8,0	9,0	4,6

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос «Каковы Ваши жизненные цели?» (в % к опрошенным)

№	Варианты ответов	Выпускники школ	Учащиеся ССУЗов	Студенты ВУЗов
1	Получение качественного образования	35,0	22,5	35,0
2	Семейное счастье	36,0	41,0	43,0
3	Хорошие заработки	52,5	46,0	51,0
4	Независимость, ощущение собственного достоинства	33,0	42,5	33,5
5	Интересная профессия	53,0	28,0	28,0

Одним из обобщающих выводов анализа данных, приведенных в таблице, напрямую связан с осознанием того факта, который свидетельствует о достаточно резком переходе от *прожективного*, в своей основе, построения жизненных стратегий у учащихся общеобразовательной школы, к *проективному*, с более высокой степенью социальной ответственности, на последующих ступенях образовательной лестницы.

В первую очередь об этом свидетельствует ранжирование целей – ценностей разными категориями учащейся молодежи. Удручающе выглядит динамика социально значимой позиции по отношению к месту цели – ценности «интересная профессия». С одной стороны – это свидетельство определенной оторванности общеобразовательной школы от реалий рыночной экономики, в рамках которой существенно меняется смысловая нагрузка самого понятия «интересная профессия». С другой – это полное устранение системы профессиональной школы от социализирующей деятельности по организации процесса профессионального самоопределения, в расчете на то, что профессиональная ориентация является залогом выбора образовательного учреждения. Но это далеко не так.

Не очень высоко ценится и ориентация на такую субъектную характеристику личности, как независимость и ощущение собственного достоинства. Отсюда достаточно мифологично выглядит поставленная задача формирования гражданского общества в реалиях российской действительности. Ресурсом абсолютного превосходства и гарантом состоятельности жизненной стратегии выступают «хорошие заработки». Однако в отрыве от ориентации на то, что «хорошие заработки» должны корреспондироваться с «интересной работой», как показывают материалы исследования, это приводит к пренебрежительному отношению к закону, к использованию возможности обойти правовое поле в поисках материального благополучия.

Традиционно для российской действительности в тройку терминальных целей – ценностей входит «семейное счастье», но и оно уступает прагматической ориентации целевых установок всех категорий учащейся молодежи на всех уровнях системы образования.

Конечно же, здесь приведены лишь небольшие фрагменты проведенного исследования, которые не дают оснований для поспешных выводов. Но даже они позволяют вносить коррективы в управленческое сопровождение социализирующей деятельности в рамках института образования, способствующие оптимизации его усилий по созданию условий формирования жизненных стратегий молодежи как социального потенциала развития российского общества.

Примечания:

1. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 102.
2. Наумова Н.Ф. Жизненные стратегии в переходном обществе // Социологические исследования. 1995. № 2.
3. Там же.
4. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. С. 256- 257. Problems of social development of youth in the risk conditions // Sociological Researches. 2003. No. 4. P. 42 – 51.
5. Арсентьева Н.М., Бусыгин В.П., Харченко И.И. Модели поведения молодежи в сфере образования и на рынке труда: механизм и факторы формирования // Регион: экономика и социология. 2006. № 1. С. 126-140.
6. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008.
7. Психология человека от рождения до смерти. СПб., 2001. С. 426.
8. Константиновский Д.Л. Размышления о социологии образования // Социологические исследования. 2008. №7. С. 120.
9. Рубин Б., Колесников Ю. Студент глазами социолога. Ростов н/Д, 1969. С. 38.
10. Рубина Л.Я. Современное студенчество: социологический очерк. М., 1981. С. 20.
11. Гамусова Ю.В. Социальные проблемы, ценностные ориентации и жизненные планы современного российского студенчества. М., 2002. С. 39.
12. Иконникова С.Н. Молодёжь: социологический и социально-психологический анализ. Л., 1974. С. 76.
13. Бойко Л.И. Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества // Социологические исследования. 2002. №3. С. 80.
14. Денисова Г.С., Чеботарев Ю.А., Гук А.А. Профессия как ориентир социального становления учащейся молодежи Юга России // Социальные и этнические проблемы России и Северного Кавказа на исходе XX века. Ростов н/Д, 1998.

15. Семенова В. Социология молодежи. URL: // <http://www.excelion.ru>.

References:

1. Reznik T.E., Reznik Yu.M. Vital strategies of the personality // Sociological Researches. 1995. No.12. P. 102.
2. Naumova N.F. Life strategy in a transitive society // Sociological Researches. 1995. No.2.
3. The same.
4. Zubok Yu.A. A phenomenon of risk in sociology. Experience in research of youth. M.: Mysl, 2007. P.256-257.
5. Arsent'eva N.M., Busygin V.P, Kharchenko I.I. Models of behaviour of youth in an education sphere and on a labour market: the mechanism and formation factors // Region: economics and sociology. 2006. No.1. P. 126-140.
6. Konstantinovsky D.L. Inequality and education. Experience in sociological researches of life start of the Russian youth (1960s – the beginning of 2000s). M.: TSSP, 2008.
7. Psychology of the person from a birth to death. SPb., 2001. P.426.
8. Konstantinovsky D.L. Speculations on education sociology // Sociological Researches. 2008. No. 7. P. 120.
9. Rubin B., Kolesnikov Yu. Student by eyes of the sociologist. Rostov-on-Don, 1969. P. 38.
10. Rubina L.YA. Modern students: a sociological sketch. M. 1981. P. 20.
11. Gamusova Yu.V. Social problems, value orientations and life plans of Russian modern students. M., 2002. P. 39.
12. Ikonnikova S.N. Youth: the sociological and social-psychological analysis. L. 1974. P.76.
13. Boiko L.I. Transformation of functions of higher education and social positions of students // Sociological Researches. 2002. No.3. P. 80.
14. Denisova G.S, Chebotarev Yu.A., Guk A.A. A trade as a reference point of social formation of studying youth of the South of Russia // Social and ethnic problems of Russia and the North Caucasus at the end of the 20th century. Rostov-on-Don., 1998.
15. Semenova V. Sociology of youth // URL: <http://www.excelion.ru>.